

Young & Free

КЕЙТ ХЭМЕР

Похороны
куклы

Москва
2017

УДК 82(1-87)
ББК 84(7Coe)
Х99

Kate Hamer
THE DOLL FUNERAL
Copyright © 2017 by Kate Hamer

This edition is published by arrangement with Curtis
Brown UK and The Van Lear Agency.

Фото автора © Mei Williams

Перевод с английского *Екатерины Ракитиной*

Художественное оформление серии *Петра Петрова*

Хэмер, Кейт.

Х99 Похороны куклы : [роман] / Кейт Хэмер ; [пер. с англ. Е. Ракитиной]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Young & Free).

ISBN 978-5-699-98948-5

У тринадцатилетней Руби Флад есть страшный секрет: она видит заблудшие души мертвых людей. Мрачные и потерянные, они ходят по свету в поисках отмщения. Но девочка не боится их. Не страшится она и правды: ее родители ей неродные. Мысли о настоящих маме и папе не дают Руби покоя. Почему они бросили собственную дочь? Что с ней не так? Она должна отыскать их и узнать всю правду! Не взяв с собой ничего, кроме крошечного чемоданчика, она отправляется на поиски. Компанию ей составляет единственный друг — мальчик по имени Тень. Но и у него есть секреты.

Чем закончится их опасное путешествие и обретет ли ребенок, так отчаянно желающий любви, новую семью?

УДК 82(1-87)
ББК 84(7Coe)

© Ракитина Е.,
перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-98948-5

В пустых глазницах смерти
Я различаю жизнь.

Шекспир «Ричард II».
Акт I, сцена 1.
пер. Мих. Донского

Любовь запустила тебя, как
толстые золотые часы.

Сильвия Плат «Утренняя песнь».

1

Торт

20 августа 1983

Мой тринадцатый день рождения, а еще я стала охотником за душами.

Когда мама позвала меня, я сразу поняла: что-то должно случиться. Это было слышно по ее голосу.

— Руби...

Открытый глаз зеркала в коридоре следил, как я спускалась по лестнице, напевая себе под нос беспокойную мелодию. Моя праздничная блузка цвета желтка была застегнута под самое горло, а коричневая вельветовая юбка билась о ссадину на коленке.

Свет из распахнутой кухонной двери, за которой ждали родители, лужей разливался по грязному ковровину в коридоре.

На пластиковой столешнице стоял праздничный торт. В белой глазури, посыпанный цветными конфетками. Из него был вырезан большой треугольный кусок, рядом лежал острый нож, направленный острием в выемку.

Я на секунду зажмурилась. Я ждала наказания за какой-то мелкий проступок: за то, что разбила или не вымыла за собой чашку. За то, что не заперла или заперла дверь в сад — или что там постановил насчет нее отец в настоящее время. Но вместо этого мама и папа превратились, казалось, в кукол или марионеток. От носа к подбородку у них пролегли глубокие морщины. На маминых щеках горели тревожные пятна красной

краски; из головы штопорами рвались кудри. Папа напряженно застыл у нее за спиной в своей серой фетровой куртке. Его рука поднялась, потеряла нос. Мама переступила туда-сюда, и ее шлепанцы зловеще хлопнули по линолеуму.

Она открыла рот.

— Руби. Слушай, мы не хотим, чтобы ты устроила сцену или выкинула что-нибудь, но тебе пора узнать...

Папа из-за ее спины произнес сиплым голосом, какой бывает у тех, кто долго молчал:

— Да. Тринадцать, уже достаточно большая.

Конфетки на торте между нами оплывали яркими цветами, словно неслись куда-то или попали в капкан и теперь медленно истекали кровью.

— Руби, мы кое-что скрывали от тебя все эти годы, — сказала мама; она помолчала, а потом скороговоркой добавила: — Ты нам не родная. Ты не у нас родилась.

— И это многое объясняет...

Мать оборвала отца.

— Прекрати, хотя бы сейчас, прекрати, Мик. Оставь девочку в покое.

Она повернулась ко мне:

— Руби, мы тебя удочерили, когда тебе было четыре месяца. Ты не наш ребенок, слышишь?

Она оглянулась.

— Честное слово, Мик, по-моему, до нее не доходит. Но до меня дошло.

Я выбежала в сад и запела от счастья.

Вывалась из двери черного хода под грозовое небо, на воздух цвета темного масла. На волю, на волю, в траву по пояс. За садом заслоняли даль деревья. В этот раз я не обратила внимания на Тень, сидевшую

возле двери в сад. Я сорвалась с крыльца на туго пружинивших ногах и побежала по заросшей дорожке, раскинув руки, чтобы ощутить, как змеятся под моими ладонями перистые верхушки трав. Волосы волной неслись у меня за спиной. Я краем глаза увидела что-то красное — уголок игрушечного пластмассового автобуса, ушедшего наполовину в путаные заросли, и руку куклы, чьи короткие пальчики указывали прямо в небо, кипевшее серыми каракулями.

Длинные острия вечерней примулы, сиявшие ярчайшей желтизной, торчали из травы, я забрела в самую гущу, остановилась и понюхала сладкую пыльцу, осевшую у меня на ладонях. Потом, вскинув руки, запела грозным облакам:

— Эй, мулатка, потанцуй, тра-ла-ла-ла. В хороводе потанцуй, тра-ла-ла-ла-ла.

И, наверное, когда я в десятый или в двенадцатый раз пела: «Она как на сливе сахарок, рок, рок», — голос Мика прорезал холодную дорожку от двери в сад.

— Руби. Прекрати и вернись в дом, сейчас же.

Ноги у меня не шли, пока я плелась к дому. Сразу же у порога кулак Мика взметнулся, как змея, и расколел мне голову.

— Сядь, — приказал Мик.

Я бросилась прочь и села по другую сторону стола, держась за голову.

— Боже мой, боже мой, — пробормотала Барбара.

Выглядела она присмирившей, словно они спорили, пока меня не было.

— Господи.

Она села и скрестила руки на груди.

— Руби, ты была совсем малышкой, когда мы тебя взяли, — сказала она. — Сейчас и представить сложно.

— Настолько меньше, чем...

— Да, — поспешно отозвалась Барбара.

— Но совсем не такая, как она, — продолжал Мик. Их дочь. Труди. Она умерла, когда ей было три. Только Мик все время звал ее «Душистым горошком». Он, когда напивался, плакал о ней; по его лицу текли крупные слезы и капали на пиджак.

— Нет. Ты была маленькая... — сказала мама. — Но сильная.

— Плакса, — перебил папа.

Он возился у плиты, стоя к нам спиной. Чиркнул спичкой, чтобы зажечь огонь под чайником, и в воздухе повис запах серы. Сзади, в три четверти, я все равно видела, как торчит над головой его чуб — словно рог. Теперь он был не так близко, и я отважилась расплести свои пальцы, защищавшие череп, хотя в виске все еще стучало.

Мамино лицо под взлохмаченными волосами выглядело напряженным. Итак, Труди не стало, и все, что ей досталось, — это я, вечно падавшая или что-то вытворявшая.

— Я родилась здесь? В смысле, в лесу?

Мысль, что я могла появиться где-то еще, казалась странной и невероятной.

Динский лес. Тут мы жили в одном из каменных домиков, и над нами простирались деревья, похожие на отпечатки рук детей, играющих в привидения, а вокруг медленно зарастали землей закрытые угольные шахты.

Барбара завела глаза под лоб, словно пыталась разглядеть, как я рождаюсь где-то вдали. Кивнула, точно что-то увидела.

— Да, здесь.

— А как меня звали? — спросила я.

— Флад — наша фамилия, но ты нам уже досталась с именем Руби, — сказала она. — Когда ты была маленькая, то верила, что это из-за...

Я не успела подумать, а моя рука рванулась к родимому пятну, покрывавшему левую сторону моего лица.

— Знаю.

Мик начал отковыривать конфетки с торта, и мама подхватила блюдо и понесла его к раковине.

— Ну вот и все, — пробормотала она, разглядывая ямки, оставшиеся от конфет.

— А... а что-нибудь еще?

— Да больше и нет ничего. — Она тяжело выдохнула, и торт задрожал у нее в руках. — Это все.

— Я могу перегадать желание?

— А что не так с тем, которое ты уже загадала?

— Я его не договорила, — соврала я.

— Тогда давай. Мик, дай ей спички.

Я расставила желтые свечи; их головки уже пошли пузырями от огня. Коснулась спичкой с шариком пламени на конце каждой свечки, закрыла глаза и стала желать изо всех сил. Двойная звезда моих настоящих родителей кружилась у меня в голове, вспыхивала и гасла.

— Придите и заберите меня, — просила я.

Тень теперь переместилась от двери в сад на лестницу, приняла очертания ссутулившегося мальчика. Он подвинулся, я села рядом и прошептала: «Представляешь? Мик и Барбара мне не родные мама и папа». Изогнутые косточки уха скользнули по моим губам, и мне показалось, что он вздрогнул от волнения.

Потом я заперлась в ванной и включила такую горячую воду, что стены затуманились от пара. Я представляла, как передо мной из белых облаков появляются мои настоящие родители. Мать была похожа на меня, но ее окружало морозное мерцание шика. У отца оказались такие же, воронова крыла, волосы,

как у меня, он был одет в плащ с поясом, как мужчины в старом кино. Я потянулась, чтобы прикоснуться к ним, но под моими пальцами они взорвались сотней капель, дождем выпали обратно в ванну, и я открыла кран, чтобы добавить пару.

— Придите, отыщите меня, — снова и снова умоляла я, обхватив мокрые колени и прижимая их к груди.

— Руби.

Не знаю, сколько Мик стоял под дверью.

— Ты, похоже, льешь чертову уйму воды. Вот прямо сейчас пятерка ушла, судя по звуку.

— Прости, прости, — откликнулась я, сжимая ладонями щеки, чтобы он не услышал, как я улыбаюсь.

Я всегда была барахольщицей, собирала разную мелочь. Тянулась, пытаюсь ухватить сверкающую пылинку. Или многослойные тени, лежавшие по углам, словно куча одежды на стуле. Проводила ладонью под ковриками, нашаривая, кто там живет. Рылась в грязи в поисках сокровищ.

Но в ту ночь я стала подлинным охотником. За настоящей семьей. За нитями, которые оставляют по себе призраки.

За потерянными душами.

2

2 января 1970

Анна сворачивает к главной дороге. День солнечный, небо кажется бесконечно высоким, каким всегда бывает зимой.

Страх заставляет ее прибавить шаг. Месячных нет уже — сколько? — она считает вслух: семь, восемь не-

дель? Ей кажется, или она уже ощущает небольшую припухлость; ее плоский живот слегка выдается вперед, его видно сбоку, словно пузырь выпуклого зеркала? Она убеждена, что чувствует, как что-то крохотное, но решительное ухватилось за нее изнутри и держит, такое сильное и крепкое.

Она сует руки поглубже в карманы, проходя мимо телеграфного столба и сарая у обочины. Пунцовый бук по-зимнему обносился. Старый Тернер тут бывал каждый день, со своим складным стулом и термосом. Он и построил этот сарай — в свое время, в незапамятное. Ковырялся в общинной земле, выращивал картошку, брюкву, капусту, половину продавал. Никому не было дела: когда Анна росла, с этим казалось посвободнее. Нынче, наверное, совет отнял бы сарай по суду за самовольную застройку. Постройка, похоже, вот-вот рухнет, и Анна делает шаг в сторону, на случай, если это произойдет, когда она будет рядом.

Она ускоряет шаг, отчего ее каблук стучат по дороге, и энергично машет руками. Может быть, ей удастся сорвать это внутри ее живота с места, вытрясти его из мягкого розового гнезда. Она переходит на трусцу, нарочно ударяя подошвами по неровной проселочной дороге, так что сотрясается все ее тело, а когда склон холма делается круче, сменяет трусцу на бег — юбка стесняет движения. На вершине она останавливается, раскрасневшись и запыхавшись, и смотрит на лежащий внизу лес. Голые ветви гнутся и скрипят на ветру. Анна снова прислушивается к своему телу, пальцами ощупывает живот под юбкой-карандашом. Нет, оно по-прежнему на месте; Анна понимает, что потребуется куда больше, чем быстрая пробежка, чтобы его оторвать. Оно куда сильнее нее.

3

*Во плоти**23 августа 1983*

Чем больше я об этом думала (а со дня рождения я почти ни о чем другом не думала), тем больше убеждалась, что мои настоящие родители не хотели меня отдавать. Я считала, что про мать это правда вдвойне, потому что матерям не должно хотеться отдавать своих детей. Я отказывалась верить, что ей было легко. Должна была быть какая-то причина, что-то совершенно ужасное. Они выбрали для меня имя, Руби, а, на мой взгляд, зачем выбирать такое имя ребенку, которого не хочешь?

Три ночи после моего дня рождения всходила толстая, как персик, луна. Я смотрела из окна, как она превращает лесной покров в подвижное серебряное море. Теперь у большой белой пустоты, горевшей во мне, как пустыня, появилось имя. Она называлась «мама и папа», и сегодня ночью так болела, что мои кости готовы были треснуть.

Казалось, в этом свете возможно все. Мои настоящие родители, *моя плоть и кровь*, могли быть рядом, они даже могли жить прямо здесь, в Динском лесу. Мне просто нужно было понять, как их отыскать.

Я оставила на кровати смятую подушку, взяла наволочку и прокралась по озаренным луной частям дома. На полке стояли две бабушкины книги: старая, которая ей принадлежала, «Путь паломника», и «Приключения Алисы в Стране чудес», которую она подарила мне на девятый день рождения. Мне пришло в голову, что можно открыть книгу наугад и посмотреть, не окажется ли в истории послание от бабушки. Я постояла в нерешительности, потом взяла «Алису», уже

понимая, что, наверное, выбрала не то, со всеми этими историями про исчезающих котов и садовников-тритонов. Я сунула книгу в наволочку. Нашла острый кухонный нож, которым резали мой праздничный торт, и взяла его с собой. По дороге к двери я бережно срезала им несколько ячменных колосков с пыльного букета сухоцветов под зеркалом в прихожей и бросила их в наволочку ко всему остальному: клубку красной шерсти, горстке каштанов и лоскуткам.

Цветы вечерней примулы широко раскрылись и бледными пятнами парили над травой. Скрипнули петли калитки. Она вела прямо под деревья. Скользя по лесу в простой белой ночной рубашке, с наволочкой и ножом, выставленным вперед, я думала: если кто-нибудь меня увидит, то решит, что я разбойник, и это придало мне смелости; я — девочка-похожая-на-разбойника, и вера в то, что я могу вселить страх в чье-то сердце, радовала меня.

И еще я убийца. Да, убийца, бредущий во тьме с ножом и мешком. Во мне поднялось все самое дурное, и я подумала, что могу стать убийцей. Нож забился и задрожал у меня в руке, и я осторожно опустила его в наволочку, надеясь, что лезвие не распорот ее и не порежет мне ноги.

Я зашла поглубже, потом остановилась возле дерева, в очертаниях которого было что-то человеческое — стройный ствол, — и приложила к нему обе руки. Я гладила наждачную кору; на ощупь дерево казалось ясенем, мы, лесные, настолько хорошо различаем деревья, что я могла это понять даже при таком скудном свете. Была глубокая ночь, но воздух веял тепло и мягко. Я села, скрестив ноги, под дерево и разобрала содержимое наволочки среди молодых побегов, выросших без всякого порядка, где упали семена: некоторые пробились сквозь землю там, куда